Капитан Дюк

Автор:
Александр Грин

Капитан Дюк

Александр Грин

«Рано утром в маленьком огороде, прилегавшем к одному из домиков общины Голубых Братьев, среди зацветающего картофеля, рассаженного правильными кустами, появился человек лет сорока, в вязаной безрукавке, морских суконных штанах и трубообразной черной шляпе. В огромном кулаке человека блестела железная лопатка. Подняв глаза к небу и с полным сокрушением сердца пробормотав утреннюю молитву, человек принялся ковырять лопаткой вокруг картофельных кустиков, разрыхляя землю. Неумело, но одушевленно тыкая непривычным для него орудием в самые корни картофеля, от чего невидимо крошились под землей на мелкие куски молодые, охаживаемые клубни, человек этот, решив наконец, что для спасения души сделано на сегодня довольно, присел к ограде, заросшей жимолостью и шиповником, и по привычке сунул руку в карман за трубкой…»

Александр Грин

Капитан Дюк

I

Рано утром в маленьком огороде, прилегавшем к одному из домиков общины Голубых Братьев, среди зацветающего картофеля, рассаженного правильными кустами, появился человек лет сорока, в вязаной безрукавке, морских суконных

штанах и трубообразной черной шляпе. В огромном кулаке человека блестела железная лопатка. Подняв глаза к небу и с полным сокрушением сердца пробормотав утреннюю молитву, человек принялся ковырять лопаткой вокруг картофельных кустиков, разрыхляя землю. Неумело, но одушевленно тыкая непривычным для него орудием в самые корни картофеля, от чего невидимо крошились под землей на мелкие куски молодые, охаживаемые клубни, человек этот, решив наконец, что для спасения души сделано на сегодня довольно, присел к ограде, заросшей жимолостью и шиповником, и по привычке сунул руку в карман за трубкой. Но, вспомнив, что еще третьего дня трубка сломана им самим, табак рассыпан и дана торжественная клятва избегать всяческих мирских соблазнов, омрачающих душу, человек с лопаткой горько и укоризненно усмехнулся.

– Так, так, Дюк, – сказал он себе, – далеко тебе еще до просветления, если, не успев хорошенько продрать глаза, тянешься уже к дьявольскому растению. Нет – изнуряйся, постись и смирись, и не сметь тебе даже вспоминать, например, о мясе. Однако страшно хочется есть. Кок… гм… хорошо делал соус к котле… – Дюк яростно ткнул лопаткой в землю. – Животная пища греховна, и я чувствую себя теперь значительно лучше, питаясь вегетарианской кухней. Да! Вот идет старший брат Варнава.

Из-за дома вышел высокий, сухопарый человек с очками на утином носу, прямыми, падающими на воротник рыжими волосами, бритый, как актер, сутулый и длинноногий. Его шляпа была такого же фасона, как у Дюка, с той разницей, что сбоку тульи блестело нечто вроде голубого плюмажа. Варнава носил черный, наглухо застегнутый сюртук, башмаки с толстыми подош вами и черные брюки. Увидев стоящего с лопатой Дюка, он издали закивал головой, поднял глаза к небу и изобразил ладонями, сложенными вместе, радостное умиление.

– Радуюсь и торжествую! – закричал Варнава пронзительным голосом. – Свет утра приветствует тебя, дорогой брат, за угодным богу трудом. Ибо сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб твой».

– Много камней, – пробормотал Дюк, протягивая свою увесистую клешню навстречу узким, извилистым пальцам Варнавы. – Я тут немножко работал, как вы советовали делать мне каждое утро для очищения помыслов.

– И для укрепления духа. Хвалю тебя, дорогой брат. Ростки божьей благодати несомненно вытеснят постепенно в тебе адову пену и греховность земных желаний. Как ты провел ночь? Смущался твой дух? Садись и поговорим, брат Дюк.

Варнава, расправив кончиками пальцев полы сюртука, осторожно присел на траву. Дюк грузно сел рядом на муравейник. Варнава пристально изучал лицо новичка, его вечно хмурый, крепко сморщенный лоб, под которым блестели маленькие, добродушные, умеющие, когда надо, холодно и грозно темнеть глаза; его упрямый рот, толстые щеки, толстый нос, изгрызенные с вечного похмелья, тронутые сединой усы и властное выражение подбородка.

– Что говорить, – печально объяснял Дюк, постукивая лопаткой. – Я, надо полагать, отчаянный грешник. С вечера, как легли спать, долго ворочался на кровати. Не спится; чертовски хотелось курить и… знаете, это… когда табаку нет, столько слюны во рту, что не наплюешься. Вот и плевался. Потом наконец уснул. И снится мне, что Куркуль заснул на вахте, да где? – около пролива Кассет, а там, если вы знаете, такие рифы, что бездельника, собственно говоря, мало было бы повесить, но так как он глуп, то я только треснул его по башке линьком. Но этот мерзавец…

– Брат Дюк! – укоризненно вздохнул Варнава. – Кха! Кха!..

Капитан скис и поспешно схватился рукой за рот.

– Еще «Марианну» вспомнил утром, – тихо прошептал он. – Мысленно перецеловал ее всю от рымов[1 - Рым – железное кольцо для швартовки, привязывания канатов, других снастей.] до клотиков. Прощай, «Марианна», прощай! Я любил тебя. Если я позабыл переменить кливер, то прости – я загулял с маклером. Не раздражай меня, «Марианна», воспоминаниями. Не сметь тебе сниться мне! Теперь только я понял, что спасенье души более важное дело, чем торговля рыбой и яблоками… да. Извините меня, брат Варнава.

Выплакав это вслух, с немного, может быть, смешной, но искренней скорбью, капитан Дюк вытащил полосатый платок и громко, решительно высморкался. Варнава положил руку на плечо Дюка.

– Брат мой! – сказал он проникновенно. – Отрешись от бесполезных и вредных мечтаний. Оглянись вокруг себя. Где мир и покой? Здесь! Измученная душа видит вот этих нежных птичек, славящих бога, бабочек, служащих проявлением истинной мудрости высокого творчества; земные плоды, орошенные потом благочестивых… Над головой – ясное небо, где плывут небесные корабли-облака, и тихий ветерок обвевает твое расстроенное лицо. Сон, молитва, покой, труд. «Марианна» же твоя – символ корысти, зависти, бурь, опьянения и курения, разврата и сквернословия. Не лучше ли, о брат мой, продать этот насыщенный человеческой гордостью корабль, чтобы он не смущал твою близкую к спасению душу, а деньги положить на текущий счет нашей общины, где разумное употребление их принесет тебе вещественную и духовную пользу?

Дюк жалобно улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он через силу. – Пропадай все. Продать, так продать!

Варнава с достоинством встал, снисходительно посматривая на капитана.

– Здесь делается все по доброму желанию братьев. Оставляю тебя, другие ждут моего внимания.

II

Вдесять часов утра, произведя еще ряд опустошений в картофельном огороде, Дюк удалился к себе, в маленький деревянный дом, одну половину которого – обширную пустую комнату с нарочито грубой деревянной мебелью – Варнава предоставил ему, а в другой продолжал жить сам. Община Голубых Братьев была довольно большой деревней, с порядочным количеством земли и леса. Члены ее жили различно: холостые – группами, женатые – обособленно. Капитан, по мнению Варнавы, как испытуемый, должен был провести срок искуса изолированно; этому помогало еще то, что у Дюка существовали деньжонки, а деньжонки везде требуют некоторого комфорта.

Подслеповатый, корявый парень появился в дверях, таща с половины Варнавы завтрак Дюку: кружку молока и кусок хлеба. Смиренно скрестив на груди руки,

парень удалился, гримасничая и пятясь задом, а капитан, сердито понюхав молоко, мрачно покосился на хлеб. Пища эта была ему не по вкусу; однако, твердо решившись уйти от грешного мира, капитан наскоро проглотил завтрак и раскрыл Библию. Прежде чем приняться за чтение, капитан стыдливо помечтал о великолепных бифштексах с жареным испанским луком, какие умел божественно делать кок Сигби. Еще вспомнилась ему синяя стеклянная стопка, которую Дюк любовно оглаживал благодарным взглядом, а затем, проведя для большей вкусности рукою по животу и крякнув, медленно осушал. «Какова сила врага рода человеческого!» – подумал Дюк, явственно ощутив во рту призрак крепкого табачного дыма. Покрутив головой, чтобы не думать о запретных вещах, капитан открыл Библию на том месте, где описывается убийство Авеля, прочел, крепко сжал губы и с недоумением остановился, задумавшись.

«Авель ходил без ножа, это ясно, – размышлял он, – иначе мог бы ударить Каина головой в живот, сшибить и всадить ему нож в бок. Странно также, что Каина не повесили. В общем, – неприятная история». Он перевернул полкниги и попал на описание бегства Авессалома[2 - Авессалом – сын библейского царя Давида, умер, запутавшись волосами в листве дуба.]. То, что человек запутался волосами в ветвях дерева, сначала рассмешило, а затем рассердило его. «Чиркнул бы ножиком по волосам, – сказал Дюк, – и мог бы удрать. Странный чудак!» Но зато очень понравилось ему поведение Ноя. «Сыновья-то были телята, а старик молодец», – заключил он, и тут же понял, что впал в грех, и грустно подпер голову рукой, смотря в окно, за которым вилась лента проезжей дороги. В это время из-за подоконника вынырнуло чье-то смутно знакомое Дюку испуганное лицо и спряталось.

– Кой черт там глазеет? – закричал капитан.

Он подбежал к окну и, перегнувшись, заглянул вниз.

В крапиве, присев на корточки, притаились двое, подымая вверх умоляющие глаза: повар Сигби и матрос Фук. Повар держал меж колен изрядный узелок с чем-то таинственным; Фук же, грустно подперев подбородок ладонями, плачевно смотрел на Дюка. Оба, сильно вспотевшие, пыльные с головы до ног, пришли, по-видимому, пешком.

– Это что такое?! – вскричал капитан. – Откуда вы? Что расселись? Встать!

Фук и Сигби мгновенно вытянулись перед окном, сдернув шапки.

– Сигби, – заволновался капитан, – я же сказал, чтобы меня больше не беспокоили. Я оставил вам письмо, вы читали его?

– Да, капитан.

– Все прочли?

– Все, капитан.

– Сколько раз читали?

– Двадцать два раза, капитан, да еще двадцать третий для экипажа «Морского змея»; они пришли в гости послушать.

– Поняли вы это письмо?

– Нет, капитан.

Сигби вздохнул, а Фук вытер замигавшие глаза рукавом блузы.

– Как не поняли? – загремел Дюк. – Вы непроходимые болваны, гнилые буйки, бродяги – где это письмо? Сказано там или нет, что я желаю спастись?

– Сказано, капитан.

– Ну?

Сигби вытащил из кармана листок и стал читать вслух, выронив загремевший узелок в крапиву:

«Отныне и во веки веков аминь. Жил я, братцы, плохо и, страшно подумать, был настоящим язычником. Поколачивал я некоторых из вас, хотя до сих пор не знаю, кто из вас стянул новый брезент. Сам же, предаваясь ужасающему развратному поведению, дошел до полного помрачения совести. Посему

удаляюсь от мира соблазнов в тихий уголок брата Варнавы для очищения духа. Прощайте. Сидите на “Марианне” и не смейте брать фрахтов[3 - Фрахт – плата за перевозку груза, здесь: предложение о перевозке.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рым – железное кольцо для швартовки, привязывания канатов, других снастей.

2

Авессалом – сын библейского царя Давида, умер, запутавшись волосами в листве дуба.

3

Фрахт – плата за перевозку груза, здесь: предложение о перевозке.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-grin/kapitan-dyuk

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить